

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Пащенко Варвара
(1870–1918)

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин загоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

И. А. Бунин

Ивану Алексеевичу Бунину было уже шестьдесят, когда вышел в свет его роман «Жизнь Арсеньева», названный писателем «вымышленной автобиографией». Здесь, как признавался сам автор, он воскресил самое сильное в своей жизни чувство. Одни и те же давние переживания, связанные с юношеской любовью, лежат в основе рассказов «В ночном море», «Поздний час», «Митина любовь» и последней, пятой книги «Жизни Арсеньева» — «Лица». Да и весь первый сборник бунинских стихов пронизан яркими личными воспоминаниями.

Ну да что об этом... Будет!
Мне твоей любви не знать:
Нынче ночью поезд шумный
Унесет меня опять...

Началась эта история в редакции орловской газеты, где непродолжительное время работал Бунин, а Варя Пащенко служила корректором.

«Вышла к чаю утром девица высокая, с очень красивыми чертами лица, в пенсне, — писал он своему брату Юлию. — Я даже сначала покосился на нее: от пенсне она мне показалась как будто гордою и фатоватою. Начал даже “придираться”. Она кое-что мне “отпела” довольно здорово... Она мне показалась довольно умною и развитою...»

Переломным в отношениях молодых людей стал вечер, когда Бунин увидел Варю Пащенко на любительской сцене.

«Сильное впечатление (в смысле красоты и т. п.) произвела она на меня... играла вполне недурно, главное, — очень естественно... Уехал я опять с грустно-поэтичным чувством... Я еще никогда так разумно и благородно не любил. Все мое чувство состоит из поэзии...»

Казалось, все вокруг было пронизано поэзией: и полночные разговоры на балконе, и прогулки по темным акациевым аллеям, и первые робкие поцелуи, — и...

«Между прочим, держа ее под руку, я тихонько поцеловал ее руку... У меня сердце замерло. А она вдруг порывисто обняла меня и... уж обычное... я даже не сразу опомнился! Господи! что это за ночь была!»

И через сорок лет Бунин будет помнить эту волшебную ночь, навсегда запечатленную им на страницах итогового произведения.

На другой день Варя просила Бунина «забыть эту ночь». Призналась, что еще не совсем уверена в своих чувствах, напомнила его же собственные слова — дескать, на то, что говоришь вечером, как-то иначе смотришь утром.

«...Я пока, видимо, не люблю тебя так, как тебе бы хотелось, — писала она в конце лета памятного 1890 года, — но может быть, со временем я и полюблю тебя... Поверь и не сумасшествуй... Надейся... Будь покойнее».

«Пащенко была одних лет с Буниным, — сообщает А. Бабореко в своем исследовании жизни и творчества писателя, — родилась она в 1870 году. В 1888 году... закончила гимназию. По окончании седьмого класса Пащенко поступила в восьмой — дополнительный класс “для специального изучения русского языка”... В гимназические

годы Варя училась музыке. Она мечтала о консерватории и о карьере драматической актрисы». К слову, мать ее тоже была актрисой, а отец прежде держал оперу в Харькове.

Отец Вари слыл человеком властным. Некогда довольно богатый, он прожился и решил заняться врачеванием (в «Жизни Арсеньева» он фигурирует именно как доктор). К возможному замужеству дочери относился резко отрицательно, считая, что Бунин, человек без средств, без образования, не в состоянии создать достойные условия для семейной жизни.

Сначала Варя ни о чем не говорила родителям. Но тайное все равно становится явным! Как-то в поезде, по дороге в Елец, куда она ехала с матерью и возлюбленным, у того разболелись зубы.

«Я лег, – писал Бунин брату, – и Варя стала укрывать меня пледом и целовать меня, ласкать. В это время подошла ее мать! Мы, разумеется, не стали отрицать. Разумеется, на другой день вышел скандал...»

Если верить некоторым биографам, скандал этот не помешал молодым жить вместе, правда, без венчания и родительского благословения. Так сказать, гражданским браком... Все так, только вот вместе они не жили. Об этом Иван Алексеевич неоднократно упоминал в письмах к брату. При очередной смене места службы сообщал ему в мае 1892 года:

«...Будем жить так, как до сих пор жили — то есть она будет ходить ко мне. Но она и на это не согласна!.. Этакое хождение друг к другу в гости нам уже давало себя знать — это, действительно, тяжело, не удовлетворяет... Чего она боится? Что изменится, если мы поселимся под одной крышей? Ведь детей у нас не будет!»

В другом письме, жалуясь брату на безденежье и неустроенность, Бунин с чувством восклицал:

«...А разве я могу жениться? Мне даже приходится не видеть ее черт знает по скольку».

Устраивая свои литературные и финансовые дела, Иван Алексеевич часто отлучался из Орла то в Москву, то к матери в Васильевское, то к брату в Полтаву. И отовсюду отправлял Вареньке чувствительные послания. Начинались они, как правило, с нежных обращений: «Драгоценная моя, деточка моя, голубеночек», «зверочек мой...» Далее шли признания в том, что душа переполнена нежностью; мечты о будущем, о славе, о счастье творчества и убедительные просьбы не забывать, «что я ведь готовил себя с малолетства для другой, более идеалистической жизни».

Чего боялась Варенька? Видимо, этой самой жизни вдвоем.

«За последнее время особенно часты и резки стали ссоры с Ваней; сначала я и сама придерживалась поговорок: “милые бранятся”, и каждая наша ссора кончалась хорошим миром, теперь же эти ссоры участились и мы, буквально, миримся для того, чтобы вновь поссориться».

Так писала она летом 1892 года Юлию Алексеевичу Бунину, незадолго перед этим побывавшему у младшего брата в Орле.

«Поверьте мне, что я его очень люблю и ценю, как умного и хорошего человека, но жизни семейной, мирной у нас не будет никогда. Лучше, как мне ни тяжело, теперь нам разойтись, чем через год или полгода. Это, согласитесь, будет и труднее и тяжелее. Сама я не могу этого ему сказать, потому что достаточно мне принять серьезный тон, чтобы у него явилось озлобление, он начинает кричать на меня, и дело кончается истерикой, как, например, вчера, когда он бросился на пол в каменных сенях и плакал, как в номерах “Тула”, где он в порыве раздражения хотел броситься из окна. Все это невыразимо угнетает меня, у меня пропадает и энергия, и силы...»

Юлий Алексеевич был, пожалуй, единственным человеком, к которому Варвара Владимировна могла обратиться за помощью и советом: «...только на вас я надеюсь в смысле его образумления...». Неоднократно, по ее горячей просьбе, старший Бунин вырывался из своей Полтавы, подчас на два-три дня, чтобы в очередной раз выступить на «семейном» совете в роли третейского судьи. Но уже на следующий день после его отъезда все возвращалось на круги своя: изматывающие саркастические сентенции

о Вариной серости и необразованности, истерики по поводу и без, угрозы повеситься и т. д. А с другой стороны — Варины обиды, ее бесплодные стремления «привести в норму ненормальные отношения», сбегающая время от времени в Елец в родительский дом, чтобы «вдали взглянуть на все наиболее объективно» и окончательно не сойти с ума.

Одному Богу ведомо, кто больше был виновен в несложившейся жизни двух молодых людей. Отношения героев в первых главах романа «Жизнь Арсеньева» — пылкое, горячее чувство Арсеньева и неустойчивое, переменчивое отношение Лики, которая плохо понимала его и переходила от равнодушия к внезапным проявлениям нежности, — во многом автобиографичны. Варя Пашенко никогда не была уверена в своем чувстве к Бунину и со своей стороны упрекала его в том, что он недостаточно ее любит. Наконец, бессильная разобраться в путанице чувств, оставила его и — ушла.

В 1894 году Пашенко и Бунин гостили у его брата в Полтаве. Воспользовавшись тем, что дома никого не было, Варвара Владимировна в начале ноября уехала, оставив короткую записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом».

«...Он не сразу передал мне, все сперва подготавливал меня, — и с большой неловкостью, — наконец решился, скупно заплакал и подал», — вспоминал писатель эту страшную минуту.

Двадцатичетырехлетний Бунин был в отчаянии. «Родные опасались за его жизнь. По просьбе Юлия Алексеевича из Огневки приехал Евгений, чтобы увезти брата с собой. Но Евгений Алексеевич не решился один ехать с ним. Отправились все троим. По настоянию И.А. Бунина остановились в Ельце. Встретиться с Варей или узнать, где она, оказалось невозможно. Ее отец при появлении Бунина в его доме обошелся с ним очень грубо...» (А. Бабореко). Вскоре молодой писатель узнал, что Варя не просто ушла, а ушла к другому, к сыну елецкого помещика, будущему актеру Арсению Бибикову.

В письме к брату Бунин рассказывал, что, услышав о замужестве Вари, «насилу выбрался на улицу, потому что совсем зашумело в ушах и голова похолодела, и почти бегом бегал часа три по Ельцу, около дома Бибикова...»

Он хорошо знал Арсения Бибикова, даже слегка ревновал к нему Варю, но, как признавался сорок лет спустя в прощальном своем романе, «ему не приходило в голову, что у нее могли быть (и есть) тайные... чувства и мысли».

Любовная рана мучительно затягивалась. Жизнь брала свое. Через четыре года Бунин женился на девятнадцатилетней Анне Цакни. Однако и этот союз вскоре потерпел крушение — слишком разными людьми были супруги. По настоянию Анны они расстались. Спустя несколько месяцев родился единственный сын Бунина, Коля, который в возрасте пяти лет умер от скарлатины...

«...В вещах зарубежного периода, особенно в романе “Жизнь Арсеньева”, который Бунин, между прочим, отказывался считать автобиографическим, или в прелестной повести о Лике появилось что-то новое, какое-то сияние, то сладкое и горестное в описаниях молодой любви, на что писатель способен только в полном расцвете своего таланта и на склоне жизненного пути», — подчеркивал литератор А. Ладинский.

Роман «Жизнь Арсеньева» заканчивается смертью героини. На кончину самой Варвары Владимировны 1 мая 1918 года в Москве, где тогда жил Бунин, к тому времени уже женатый на В.Н. Муромцевой, писатель отреагировал с удивительным спокойствием. Вера Николаевна ездила проститься с покойной — Иван Алексеевич сделать это отказался. Он совершенно не выносил «таких событий» (из-за этого, единственный из родственников, несколькими годами ранее даже отсутствовал на похоронах матери).

«Вечером я поехала одна на квартиру Бибиковых, — они жили далеко, где-то у Красных Ворот. Панихиды не было. Покойница лежала исхудавшая, маленькая, помолодевшая, — я сразу же представила ее в пору их романа».

Много позже Бунин признавался:

«Вот думают, что история Арсеньева — это моя собственная жизнь. А ведь это не так. Не могу я правды писать. Выдумал я и мою героиню... начал видеть ее во сне. Она являлась ко мне такая же, какой я ее выдумал... Проснулся однажды и думаю: Господи, да ведь это, быть может, главная моя любовь за всю жизнь. А, оказывается, ее не было».

Но ведь письма юного Бунина к В. Пашенко сохранили и другие признания...

«Так нежно и хорошо я любил тебя, что лучшие минуты этого чувства останутся для меня самыми благородными и чистыми ощущениями во всей жизни...»

Или их тоже не было?..